

Делать было нечего. На глазах у всей челяди князя Дуаня положено было соблюдать приличия, благо за эти дни Лэй Чжэнь и его люди уже заучили наизусть всю чепуху, которую городили ихэтуани, так что вряд ли их могли быстро разоблачить.

Совершив жертвоприношение алтарю, Налань Сяо больше не смел терять времени и сразу повёл Лэй Чжэня и остальных в конюшню во внутреннем дворе. И надо сказать, размах Резиденции князя Дуаня и впрямь поражал воображение: помимо полутора десятков вьючных мулов, в стойлах нашлись даже боевые кони, пригодные для верховой езды.

Конь для кочевников степей — это сама жизнь.

В своё время чжурчжэни завоевали Поднебесную именно благодаря коннице. Как сыновьям знамённых родов, им полагалось сымалака с детства учиться держаться в седле, натягивать лук и пускать стрелы — таков был завет предков со времен, когда Нурхаци основал Великую империю Цин. Поколения правителей не смели нарушать этот указ. И хотя Цзай И носил высокий титул князя Дуаня, искусством верховой езды и владения оружием владел отнюдь неплохо.

— Отлично! Налань Сяо, на этот раз ты сослужил великую службу. Все эти мулы и боевые кони теперь реквизированы нами! — в отличном настроении Лэй Чжэнь шагнул вперед, развязал поводья невероятно красивого белого скакуна, примерился к высоте седла и собрался было взмыть наверх.

Верховой езде Лэй Чжэнь обучился еще во время службы в армии будущего, причем владел этим навыком весьма неплохо. Вовсе не из-за какой-то особой страсти к лошадям: чтобы стать первоклассным спецназовцем, без умения держаться в седле было ну никак нельзя. Точно так же, как вождение автомобиля, это входило в список обязательных базовых навыков.

— Ваша милость, нельзя ли эту лошадь... не реквизируют? — Налань Сяо скорчил умоляющую гримасу, увидев, что Лэй Чжэнь положил глаз именно на белого скакуна.

— Почему это? — лицо Лэй Чжэня тут же помрачнело.

Среди всех боевых коней этот лоснящийся белый красавец был самой благородной породы — сразу видно, отборный скакун, пригнанный прямо из Монголии. Ощущения от езды на таком коне, летящем быстрее ветра, и говорить не стоило, но главное — всадник на нем невольно обретал величавую осанку истинного владыки, возвышающегося над всеми.

— Видите ли... это любимый конь принцессы Юйци. Ваша милость, не могли бы вы оставить его? Иначе мне будет перед ней не оправдаться, — Налань Сяо покраснел до корней волос и забормотал, запинаясь.

Принцесса Юйци — это и была та самая девчонка. Она видела всю эту шайку во главе с Лэй Чжэнем и, конечно же, заметила, что именно Налань Сяо привел этих членов Ихэтуаней в

резиденцию. Если сейчас из конюшни разом исчезнут все лошади, догадываться, кто в этом виноват, даже не придется — Юйци с первого же взгляда раскусит всю правду.

Судя по лицу Налань Сяо, Лэй Чжэнь понял: с этой принцессой Юйци шутки плохи. Неужели он и впрямь ошибся в ней с первого взгляда?

И пока Лэй Чжэнь нерешительно раздумывал, со двора, из галерей, из окон и из главных ворот в один миг хлынули вооруженные саблями и копьями стражники и слуги резиденции.

Все они выкатили глаза и яростно уставились на Лэй Чжэня и его людей, которые как раз спешно выгоняли лошадей, собираясь трогаться в путь.

— Держать ворота! Смотрите не упустите злодеев!

— Налань Сяо, да ты посмел снюхаться с разбойниками и красть княжеских лошадей! Жить надоело?! — выступил вперед седовласый мужчина лет пятидесяти на вид, похожий на главного управляющего, и, грозно ткнув в Налань Сяо пальцем, прорычал:

— Старший управляющий, всё совсем не так! Эти люди — ученики алтаря, приглашенные самим князем! Они только что проводили для него обряд на алтаре! Если не верите, спросите слуг в боковой зале! — испуганно замахал руками Налань Сяо, пытаясь оправдаться, стоило им оказаться в окружении.

— Хватит молоть чепуху и вешать людям лапшу на уши! Счастье наше, что принцесса Юйци оказалась глазастой, а то и вправду позволили бы этой шайке жуликов себя одурачить, — презрительно хмыкнул управляющий и криво усмехнулся в лицо Налань Сяо.

— Юйци... Вот оно что, понятно, почему стража резиденции так быстро сбежалась. Оказывается, это та девчонка подняла тревогу! Надо же, а ведь когда всё только что переменилось, лицо у нее было такое спокойное. Истинно говорят: внешность обманчива! — Лэй Чжэнь почувствовал немалую долю досады оттого, что его обвела вокруг пальца какая-то девчонка. Через какие только бури и штормы ему не доводилось проходить, а вот поди ж ты, чуть не потонул в луже на ровном месте.

— По моей команде, залп!

— Вперед!

Сдаваться на милость судьбы было не в правилах Лэй Чжэня. Быстро взвесив силы — свои и противника, — он сделал выбор: пока стражники и челядь еще не успели заполнить весь двор, прорываться с боем под прикрытием огнестрельного оружия.

— Бам-бам-бам! — грянули выстрелы.

Десятка два маузеров, нацеленных в одну сторону — пусть такая мощь и не шла в сравнение с тяжелым пулеметом Максима, но ее было более чем достаточно, чтобы открыть глаза стражникам Резиденции князя Дуаня, привыкшим лишь к рубящим ударам и колющим выпадам холодных клинков — больших сабель да длинных копей.

— Вторые черти открыли огонь!

— Ой-ёй, мне ногу прострелили!

Под жалкие вопли и стоны охраны и челяди Лэй Чжэнь с товарищами уже прорубили себе путь через боковую калитку конюшни. Медлить было нельзя: звуки пальбы в Резиденции князя Дуаня привлекают еще больше цинских солдат и ихэтуаней. Стоит толпе разрастись, как десятка ружей в их руках уже не хватит, чтобы напугать этих безумных фанатиков, одержимых идеей истребления иностранцев.

— Ваша милость, подождите! Возьмите меня с собой! — едва Лэй Чжэнь и остальные выскочили за боковую дверь, как следом за ними выбежал Налань Сяо. Ума парню было не занимать: он прекрасно понимал, что после такого заварушника оставаться в резиденции — верная смерть.

Видя, что эти суровые головорезы рубят и стреляют без раздумий, стражники и дворовые слуги, которые в мирные дни умели лишь притеснять городских пьянчуг да нищих, оглашали окрестности криками «руби врагов!», но сами двигаться вперед боялись и жались назад. Что важнее — какая-то лошадь или собственная шкура? Ответ был очевиден и без лишних слов.

Семь-восемь повозок с грохотом выкатились через боковые ворота резиденции. На душе у Лэй Чжэня сразу полегчало: с таким хорошим гужевым транспортом дальняя дорога была обеспечена.

— Тпрру, пошел! — Лэй Чжэнь качнул бедрами и легко пинул белого коня в бок, собираясь уже пустить его вскачь.

— Цюнь! — внезапно из-за боковой калитки резиденции донесся резкий свист, похожий на птичью трель.

Стоило раздаться этому звуку, как конь под Лэй Чжэнем взбесился: задирая передние ноги и лягаясь задом, он изо всех сил попытался сбросить седока на землю.

— Тьфу ты, а норов-то у скотины гордый!

Лэй Чжэня затрясло в седле, словно тореадора на быке, но из седла он не вылетел — навыкам объездки коней он обучился отлично, для него это было не внове.

— Белый Дракон, давай, поднажми! Скинь этого вонючего разбойника! — раздался звонкий девичий окрик. Голос был до того красивым, но Лэй Чжэнь от него бросило в ледяной пот: стоило коню услышать этот призыв, как он забился еще яростнее. Узнав голос хозяйки, белый скакун воодушевился сверх всякой меры: он то и дело задирает мощный круп, выделявая под Лэй Чжэнем форменные коленца.

— Принцесса Юйци! — не успел Лэй Чжэнь и взглянуть, кто именно отдает коню команды, как испуганный вопль Налань Сяо дал ответы на все вопросы.

— Ну и девчонка, поистине исчадие ада!

— Твою мать, если я, Лэй, не справлюсь с какой-то девчонкой и лошадей, то грош мне цена, можно идти на дно! — от бешеных прыжков коня в груди Лэй Чжэнь закипела ярость. В гневе он схватил маузер и выстрелил прямо над лошадиной головой.

— Бам!

— Не надо! — испуганный крик слился с грохотом выстрела.

Лэй Чжэнь палил не в воздух — он со злости нажал на спусковой крючок по-настоящему. Правда, в самый последний миг перед выстрелом он чуть приподнял ствол, уводя его от головы коня, так что смертоносная пуля лишь чиркнула по гриве на шее животного.

Белый скакун, похоже, испугался резкого пронзительного свиста пули у самых ушей и постепенно перестал брыкаться. Видимо, обьеженная лошадь, в отличие от дикого мустанга, все же быстрее поддавалась усмирению. Воспользовавшись заминкой, Лэй Чжэнь натянул поводья, в два счета подлетел к воротам резиденции и, затащив распахнувшую от удивления розовый ротик Юйци, рывком закинул ее перед собой в седло.

— Принцесса! — в ужасе завопили слуги.

— Разбойник утащил принцессу Юйци! Живо за ним, бездари! — дрожа всем телом, старый управляющий принялся надрывать и гнать их вперед.

— Ах ты, вонючий мужик, посмел меня лапать?! А ну отпусти! — устроившись перед седлом в сильных руках Лэй Чжэнь, принцесса Юйци принялась отчаянно ерзать и брыкаться.

— Ха-ха, прошу прощения, принцесса! Как только твой дед Лэй выберется из города, мы передохнем, и я тотчас отправлю тебя домой! — рассмеялся Лэй Чжэнь.

— Ах ты вонючий разбойник, вонючий мужлан, чтоб тебе сдохнуть! — Юйци отчаянно сопротивлялась, но под железной хваткой Лэй Чжэнь ее силенок явно не хватало. Видя, что силой ничего не добиться, Юйци вдруг расплакалась. Ее лицо, затуманенное слезами,

напомнило мокшую под дождем ветку бегонии — зрелище, способное растопить любое сердце, но только не Лэй Чжэня.

— Ругайся, ругайся на здоровье, ха-ха! Налань Сяо, ступай скажи им: если хотят снова увидеть принцессу целой и невредимой, пусть помалкивают об этом деле в тряпочку, иначе — хе-хе! — хохотнул Лэй Чжэнь, пришпорил коня и бросился вперед.

Принцесса — неплохой залог безопасности. Девчонка боевая, ладная, а характер на редкость увертливый; останься она в осажденном городе, глядишь, и правда попала бы под горячую руку заморских чертей. И хотя лицо его по-прежнему сохраняло суровое выражение, в глубине души Лэй Чжэнь уже сжалился над ней.

На этот раз, то ли почуяв, что хозяйка сидит с ним в одном седле, то ли уразумев невиданную силу Лэй Чжэня, Белый Дракон на удивление послушно зашагал вперед.

Цокот копыт гулко разносился по мощеным переулкам, изредка перемежаясь досадливыми выкриками принцессы Юйци.

Добытые с боем отменные лошади и повозки, да еще захваченная живьем избалованная княжеская принцесса — улов Лэй Чжэня заставил Сун Чжаньбяо и остальных бойцов широко раскрыть рты от зависти. Все дружно помогли погрузить гробы, доверху набитые серебряными слитками, на телеги, надежно привязали их веревками и с громким улюлюканьем стеганули коней, вырываясь из города.

Увидев разграбленное Министерство финансов и трупы поверженных негодяев на мостовой, принцесса Юйци вела себя куда тише. Каких бы хитроумных планов ни было у нее в голове, ей было всего шестнадцать-семнадцать лет, и до сих пор ей не доводилось воочию видеть кровь и смерть. Дома в резиденции князь Дуаня и вся челядь холили ее и лелеяли, оттого нрав ее и сделался столь надменным. Теперь же, когда заступиться за нее было некому, гордыня быстро сменилась страхом.

Покинув Уфуцзэ, обоз двинулся по широкой северо-западной улице прямо к городским воротам. Из-за заминки в Резиденции князя Дуаня время перевалило уже за полдень четырнадцатого числа. Канонада на улицах делалась всё ожесточеннее: первыми открыли огонь по цинским войскам русские, а следом за ними в штурм города бросили свои части японские, британские и американские интервенты.

В конце концов, честь первой ворваться в столицу Китая не имела равных. О чем веками мечтали западные люди? Захватить эту загадочную восточную страну, где, судя по запискам Марко Поло, золото валяется под ногами. И теперь их цель была близка как никогда.

В восточных кварталах шли тяжелые бои.

Там держала оборону Ганьская армия Дун Фусяна. И хотя боевой дух этих цинских войск уже

был подорван, они все же держались упорнее потрепанных отрядов ихэтуаней — не будь их, союзные войска уже давно бы вошли в город.

Двигаться на восток было безумием, а путь на запад отдалял их от Кайпина все сильнее, поэтому Лэй Чжэнь выбрал для выхода из города северо-западное направление. Там следов союзных войск пока замечено не было: стоило лишь вырваться за городские стены и обогнуть цепи гор Яньшань, как можно было вдоль Великой стены окольным путем выйти к Лункоу.

Примечание: В ближайшие два дня я буду в отъезде и выкладывать главы из интернет-кафе, прошу простить за задержки со временем! Спасибо всем за поддержку голосами!

Глава 23. Цю Цзинь и Песнь о заветном клинке

Пробиваясь сквозь городские ворота, помимо двух разрозненных отрядов отступающих ганьских солдат и срединной армии Увей, Лэй Чжэнь и его люди не встретили больше никаких опасностей. Кроме Юйци, спасшийся бегством Ван Тинцзюнь прихватил с собой и всю свою семью.

— Господин Лэй, это моя никчемная женушка Цю Гуйцзинь. Мы с ней больше не хотим оставаться в Пекине, так что спасибо вашей милости, подбросите нас по пути на юг, — представил он спутницу.

Лэй Чжэнь не расслышал ни слова из речи Ван Тинцзюня — его взгляд был прикован к стоявшей перед ним молодой женщине лет двадцати пяти — двадцати шести.

Глаза небольшие, рост средний, лицом самая обыкновенная, даже в уголках глаз уже пролегли едва заметные лучики морщинок. Рядом с молодой и живой Юйци эта замужняя женщина казалась совершенно непримечательной и не обладала той броской красотой, способной привлечь мужской взгляд.

И тем не менее Лэй Чжэнь отчетливо уловил в ней нечто иное.

Особую горделивую осанку, какую редко встретишь в женщине.

Цю Гуйцзинь... Это имя гремело на весь мир. Неудивительно, что когда он впервые услышал имя Ван Тинцзюня, оно показалось ему знакомым — ведь оно было неразрывно связано с Цю Цзинь!

Всякий, кто хоть немного знал новую и новейшую историю Китая, не мог не помнить о Цю Цзинь по прозвищу Героиня с озера Цяньху. А уж такой страстный любитель истории, как Лэй Чжэнь, тем более не собирался проходить мимо ее жизнеописания.

Цю Цзинь (1875–1907), урожденная Цю Гуйцзинь, второе имя Сюаньцин, позже сменила имя

на Цинсюн, известная также как Героиня с озера Цяньху. Родом из уезда Шаосин провинции Чжэцзян (ныне город Шаосин), родилась в Сямыне провинции Фуцзянь. Отличалась буйным, отважным нравом, изучала науки и боевые искусства, любила наряжаться в мужское платье. Так начиналось хрестоматийное описание ее жизни в учебниках будущего, а дальнейшие ее подвиги гремели на всю страну и были известны каждому.

— Госпожа Цю, Лэй Чжэнь не ведал, что вы тоже выходите из города вместе со всеми, и мои люди могли вести себя грубо. Прошу вас, не держите зла! — под удивленными взглядами спутников Лэй Чжэнь почтительно поклонился Цю Цзинь, которую видел впервые в жизни и которая держала за руку маленького мальчика.

Такой поворот событий озадачил не только зевак, но и саму Цю Цзинь.

— Хм, неужели я не красивее этой ханьской девчонки? — надув губки, Юйци презрительно закатила глаза, затаив в сердце обиду.

— С чего это наставник Лэй так вперился в эту женушку Вана? Неужто положил на нее глаз? Вот уж неожиданность! Да у них разница в возрасте немалая, эта дамочка ему в старшие сестры годится, не больше! — шептались меж собой несколько бойцов.

Даже развратник Ван Тинцзюнь, видя столь подчеркнутое уважение Лэй Чжэня к собственной жене, невольно заподозрил неладное. Однако, как ни напрягал память, он никак не мог припомнить, чтобы Цю Цзинь и Лэй Чжэнь были знакомы раньше.

— Отважный муж Лэй поднял людей в лихолетье смут, его смелость поистине вызывает восхищение! Хотя я, Цю Гуйцзинь, и слабая женщина, но тоже преклоняюсь перед такими героями. Ах, если бы в нашем Китае нашлось еще хоть несколько не боящихся смерти мужей, разве посмели бы иноземцы топтать эту благодатную землю?! — опомнившись от минутного замешательства, горячо произнесла Цю Цзинь.

Слова звучали величественно, от них веяло поистине мужской твердостью. Не будь стоящая перед ним Цю Цзинь чистокровной уроженкой южных земель, Лэй Чжэнь бы решил, что говорит закоренистый гуляка с северо-востока.

— Когда же утихнут огни пожаров над Юйянем, слышно, всё не затухнет война с чужаками; пуста женская обитель от горестей о судьбах родины, кто сменит женские шелка на железный шлем. Эта ваша песнь, госпожа Цю, «Беспокойство глупца», гремит по всей Поднебесной! Лэй Чжэнь — человек грубый, но даже мне довелось услышать эти строки, и сердце мое до сих пор не может успокоиться. Счастлива та минута, когда мне довелось воочию встретиться с вами! — искренне восхитился Лэй Чжэнь.

— Ох, и вы слышали это стихотворение, храбрый муж Лэй? Посмеялись над моими скромными трудами... На днях я как раз сложила еще одно стихотворение, оно называется «Песнь о заветном клинке». Если почтенное собрание желает послушать, я не посмею отказаться! — улыбнулась Цю Цзинь.

Улыбка эта, в глазах Лэй Чжэня, не блистала завлекающей красотой, зато дышала искренностью и простотой, без малейшей фальши или жеманства.

— В лучах заката залы династии пустеют, угасает древняя держава с пятитысячной историей. Сотни лет длится ее глубокий сон, и никто не стыдится быть рабом. Вспоминаю предка нашего Хуан-ди, чей родной очаг уходил корнями в Куньлунь. Распахали земли от Желтой реки до Янцзы, острыми саблями утвердили срединный край. Как не рыдать горько на горе Маньшань? Заросли терновника погребли медных быков в императорской столице. Сколько раз оборачивался я к стольному граду, проливая слезы над скорбной песней о погибшей родине! Союзные войска восьми держав пришли с севера, даря и продавая наши земли... Сердца людей мертвы, и что поделаешь с ними? Беру перо, слагая «Песнь о заветном клинке». Песнь о клинке закалит мужество и отвагу, разбудит множество душ погибшей родины. Где найти кого равного благородству и мечу заветному? Развеять старые обиды раз и навсегда...

Цю Цзинь сполна оправдывала звание одаренной поэтессы. Суровая боевая песня в ее исполнении звучала с мощью катящихся волн Великой реки, отражая глубокую скорбь по гибнущему народу, бессилие перед слабостью государства и ненависть к прогнившему двору. Слушать это было жутко, но в то же время дух захватывало от затаенной силы.

— Что за вздор несешь ты, безумная женщина! Какое право ты имеешь судить дворы и императоров?! — не дослушав до конца «Песнь о заветном клинке», завопил Ван Тинцзюнь, знавший толк лишь в еде, вине и кутежах.

— Двор совершает ошибки — почему же о них нельзя говорить? По мне так эта песнь о клинке превосходна и прекрасно поднимает дух, разве я не прав? — сурово зыркнув на Ван Тинцзюня, громко произнес Лэй Чжэнь.

Как же хороши стихи Цю Цзинь! Ни в чем не уступающая мужчинам, истинная жемчужина среди женщин мятежной эпохи — какая жалость, какая горькая жалость!

Разве мог такой ничтожный и заурядный чурбан, как Ван Тинцзюнь, сойтись характерами с Цю Цзинь? Их взгляды лежали на совершенно разных полюсах, и этот навязанный феодальным укладом брак приносил обоим лишь беспредельные муки.

Стихотворение Цю Цзинь захватило не одного лишь Лэй Чжэня.

Песнь о клинке закалит мужество и отвагу, разбудит множество душ погибшей родины... Столь мужественные и трагичные строки не могли оставить равнодушными сердца воинов — в этом сомневаться не приходилось.

Под диктовку Цю Цзинь вскоре уже все бойцы отряда вместе с Лэй Чжэнем невольно напевали эти строки, вселяющие отвагу в грудь. Даже плененная Юйци заслушалась и сама не заметила, как начала тихонько подтягивать за ними.

— Принцесса, теперь вы можете возвращаться, — заметив, что они добрались до относительно безопасного места, Лэй Чжэнь ослабил поводья белого коня и протянул их Юйци.

— Возвращаться? Чужаки вот-вот ворвутся в город, а вы отправляете меня обратно — хотите, чтобы я шла на верную смерть?! Или чем больше маньчжуров погибнет, тем радостнее вам, ханьцам? — поджав губы и сжав побелевшие зубы, с ненавистью проговорила Юйци.

— Какая смерть, о чем ты говоришь! Разве похож я, Лэй Чжэнь, на ограниченного дурня, что делит людей на маньчжуров и ханьцев! — с укоризной бросил Лэй Чжэнь. Обвинения Юйци были совершенно лишены логики, хотя особой неприязни к этой взбалмошной девчонке он не испытывал. Человеку из будущего делить людей на маньчжуров и ханьцев казалось чистой глупостью — в конце концов, все они были китайцами.

— Ладно, раз так, не прогоняйте меня! Я пойду с вами, уйду отсюда, покину Пекин, покину Резиденцию князя Дуаня! — красивое личико Юйци порозовело, словно ее щеки тронули румянами, в глазах затуманилась странная дымка, и вид у нее был точь-в-точь как у узника, вырвавшегося из заточения.

Узник. Да, именно так.

Будучи принцессой в Резиденции князя Дуаня, Юйци вроде бы ни в чем не знала отказа, но на деле всё обстояло иначе.

С тех пор как в двенадцатилетнем возрасте она узнала тайну своего происхождения, Юйци переменилась. Она перестала быть послушной маленькой принцессой, превратившись в дикую девчонку, вечно влипающую в неприятности.

Строго говоря, та самая матушка-княгиня из Резиденции князя Дуаня вовсе не приходилась Юйци родной матерью. Ее настоящей матерью была простая ханьская женщина — мимолетное увлечение Цзай И во время одной из инспекционных поездок на юг.

После того бурного романа завязался плод любви. Князь Цзай И в сердечных делах повел себя как мужчина: купил в Пекине дом под тайное гнездышко. Увы, выносив ребенка положенный срок, мать Юйци не дожидая счастливых дней: вскоре после родов она скончалась от тяжелых родов.